

Е. Д. Слободенюк

ГЛУБОКАЯ БЕДНОСТЬ В РОССИИ: СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗАПРОСЫ К СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6797

Слободенюк Екатерина Дмитриевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, НИУ «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

E-mail: eslobodenyuk@hse.ru

Author ID РИНЦ: 6505-0801

Для цитирования: Слободенюк Е. Д. Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 26–38. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6797

Аннотация. В фокусе статьи находятся глубоко бедные россияне. Опираясь на выявленный в предшествующих исследованиях факт, что тяжёлая хроническая бедность характеризуется сопутствующей психоэмоциональной депривацией, автор фокусирует своё внимание не только на монетарной бедности (используя для этой цели относительный монетарный подход к выделению группы), но и на субъективной (выделяемой посредством немонетарных показателей). На основе базы данных исследования Института социологии ФНИСЦ РАН 2018 г. автор приходит к заключению, что наиболее негативное восприятие своего положения в обществе не характерно для наиболее бедных в финансовом плане россиян, т. е. очаг острого социального напряжения концентрируется не в зоне глубокой монетарной бедности. В то время как объективная (монетарная) глубокая бедность формируется в результате высокой иждивенческой нагрузки и провалов местных рынков труда; глубокая субъективная бедность продиктована во многом иными причинами — недостатком необходимого медицинского сопровождения пенсионеров с тяжёлыми проблемами со здоровьем, наличием в домохозяйстве родственников с вредными привычками, прекарным характером занимаемых трудовых позиций. Размежевание групп и разный характер факторов их формирования приводит автора к заключению, что выявление адресатов социальной политики исключительно на основе информации о финансовом положении домохозяйств не позволяет оказать помощь той части бедного населения, в которой формируется очаг социального напряжения. На основе выявленных характеристик групп, а также запросов их представителей на определённые меры социальной политики в статье предлагается ряд мер, позволяющих снизить остроту объективной и субъективной бедности.

Ключевые слова: бедность относительная, бедность субъективная, социальная политика.

В фокусе данной статьи находятся глубоко бедные россияне и их запросы к социальной политике государства. Указанный объект исследования¹ был выбран неслучайно, так как именно глубокая бедность, представляя собой зону

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

чрезвычайного финансового неблагополучия, должна выступать основой для формирования высокой социальной напряжённости. По этой причине он может рассматриваться как отдельный объект социальной поддержки – тот, помощь которому позволит снизить глубину бедности и остроту восприятия проблемы населением. В данной статье мы задаёмся тремя вопросами. Первый заключается в том, являются ли глубоко бедные «по доходам» той социальной группой, в которой концентрируется максимальная социальная напряжённость, и если нет, то какие отличия присутствуют в повседневности, социально-экономических и социально-психологических характеристиках глубоко объективно и субъективно бедных россиян. Второй вопрос в том, какова природа факторов, вытесняющих россиян на эти статусные позиции. Последний вопрос заключается в том, какого содействия в своей жизни эти россияне ждут от государства и какой они в целом видят роль государства в осуществлении социальной политики.

Эмпирической основой для исследования выступили данные восьмой волны мониторингового проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проведённой Институтом социологии ФНИСЦ РАН в апреле 2018 г. Опрос с выборкой в 4000 человек, реализованный в рамках этого исследования, репрезентирует население страны по территориально-экономическим районам согласно районированию ФСГС РФ, а внутри них – по типам поселений, полу, возрасту и профессиональному статусу. Далее именно этот массив данных будет являться источником для всех приведённых в тексте рисунков и таблиц¹.

Для выделения объективной бедности мы использовали методику относительного подхода, суть которого заключается в сравнении уровня жизни индивида (и его домохозяйства) со стандартом жизни, типичным для общества. В нашем случае были использованы монетарные показатели уровня жизни – среднедушевые доходы домохозяйства сопоставлялись с их медианным значением по стране в целом (15 000 руб.). Указанная методика, широко используемая в странах Запада, продемонстрировала высокую объяснительную силу на российских данных [Модель доходной..., 2018]. Тестирование доходной границы в 0,5 медианы среднедушевых доходов² различными методами, проведённое нами ранее, продемонстрировало её надёжность и способность выявить в России зону глубочайшей бедности по доходам [Слободенюк, Аникин, 2018].

Выделение субъективной бедности, ввиду отсутствия прямого вопроса о самоидентификации с бедными в опроснике 2018 г., базировалось на двух вопросах – о субъективных оценках своего материального благополучия и своего положения в иерархии статусных позиций в обществе. К глубоко субъективно бедным были отнесены те россияне, которые оценили своё положение в обществе как пребывание на двух нижних «аутсайдерских» статусных позициях общества из

¹ Автор выражает благодарность руководству ФНИСЦ РАН за возможность использовать данные исследования.

² В нашем исследовании это пороговое значение составляло 7500 руб. соответственно.

10 возможных и при этом заявляли о плохом материальном положении своей семьи. Несмотря на то, что использованные критерии не являются прямой самоидентификацией с группой бедных, в научной традиции они достаточно часто применяются для анализа субъективной бедности и социального неблагополучия. Более того, маркерами лучшей или худшей жизни, т. е. более высокого или более низкого положения в обществе, судя по данным эмпирических исследований, для самих россиян выступают в первую очередь материальное благополучие и образ жизни (подробнее о методиках анализа субъективной стратификации см.: [Тихонова, 2018: 17–21] и [Зудина, 2013: 5–8]).

Для простоты восприятия в дальнейшем мы будем обозначать эти группы как «объективно бедные» и «субъективно бедные», однако будем подразумевать под этими понятиями именно *глубокую* бедность. Выделенные по столь жёстким критериям группы объективно и субъективно бедных в апреле 2018 г. составляли 8,1 и 4,0% населения страны. При этом зона их пересечения составляет всего 0,6% населения, что в составе всех объективно бедных равняется 7,4% от общего числа, а в составе субъективно бедных – 15,0%, т. е. в подавляющем большинстве случаев тяжёлое переживание повседневности нехарактерно лицам с наименьшими доходами в стране, и наоборот. Рассмотрим, в чём различие портретов выделенных подгрупп и их принципиальное расхождение.

Социально-демографические, социально-экономические и социально-психологические характеристики групп объективно и субъективно глубоко бедных россиян

Первое, на что стоит обратить внимание, – это **возрастной состав** групп: субъективная бедность практически наполовину представлена лицами пенсионного и предпенсионного возраста, в то время как в объективной бедности таких лишь 18%. Верно и обратное: риски для пенсионеров оказаться в субъективной бедности (9%) вдвое выше средних по стране, а в объективной, наоборот, практически вдвое ниже (5%). При этом среди неработающих пенсионеров по возрасту в субъективной бедности ни один не оценивает своё здоровье как хорошее (в объективной такие присутствуют – 7%), а подавляющее большинство – 68% – оценивают его как плохое (50% в объективной бедности). Отметим, что доходы, равные 0,5 медианы среднедушевых, ниже величины прожиточного минимума¹ и потому охватывают лишь ¼ бедных согласно государственной методике их выделения [Слободенюк, Аникин, 2018]. В такое тяжёлое финансовое положение пенсионеры, пенсии которых доведены до их прожиточного минимума, могут попасть только если выступают кормильцами для неработающих трудоспособных родственников (последние присутствуют в составах семей 40% объективно бедных и лишь 11% субъективно

¹ Во 2-м квартале 2018 г. ПМ на душу населения по России составлял 10 444 руб.

бедных). Таким образом, субъективно бедные чаще представлены пожилыми россиянами, в особенности пенсионерами с плохим здоровьем, а в объективной бедности чаще оказываются достаточно молодые россияне (пенсионеры же могут оказаться в её рядах лишь в случае, когда они становятся кормильцами в домохозяйствах).

Таблица 1

Социально-демографический состав групп глубоко бедных россиян, %

Сравниваемый показатель	Глубокая объективная бедность	Глубокая субъективная бедность	В среднем по стране
Возраст, лет			
18–30	27	10	24
31–40	34	17	24
41–50	22	17	20
51–60	11	19	14
Старше 60	7	38	18
Состав домохозяйств			
Есть безработные трудоспособного возраста	33	20	10
Есть инвалиды I и II групп	8	11	5
Есть неработающие пенсионеры	23	46	28
Есть неработающие студенты	19	11	15
Есть несовершеннолетние дети	73	39	41
Есть родственники с вредными привычками (алко- и наркозависимые)	7	12	5
Тип поселения			
Мегаполисы	3	3	11
Областные, краевые, республиканские центры	15	33	29
Районные центры	35	28	32
ПГТ, сёла, деревни	47	36	28
Пол			
Мужской	40	35	46
Женский	60	65	54

Тяжёлое финансовое положение объективно бедных вызвано высокой **иждивенческой нагрузкой** – наличием детей и неработающих трудоспособных. При этом *объективную бедность отличает большая склонность к созданию многодетных семей*: 18% всех семей с детьми из их числа – многодетные (среди субъективно бедных – 12%).

Третьим ярким отличием выступает наличие родственников с **вредными привычками** (алкоголиков/наркоманов) – проблема, остро стоящая для субъективно бедных россиян, особенно для семей с детьми из их числа (19% субъек-

тивно бедных при 6% объективно бедных). По этой причине среди объективно бедных лишь единицы (5%) говорят о наличии серьёзных проблем в отношениях в семье, в то время как субъективно бедные заявляют об этом значительно чаще (13%). Таким образом, *ещё одним ликом субъективной бедности выступают маргинальные семьи с тяжёлыми проблемами в повседневности. Наличие в семье алкоголика или наркомана неминуемо ведёт к тяжёлому восприятию жизни, ощущению своего «аутсайдерства» на фоне нормальной благополучной жизни ближайшего окружения, а также к дополнительной финансовой нагрузке на семейный бюджет.*

Сближает же группы бедных в основном лишь большая представленность в сельской местности по сравнению со средним показателем по стране и меньшая представленность в мегаполисах, а также их «женское лицо».

Перечисленные выше особенности во многом замыкаются на специфике доходов и расходов домохозяйств, потому коснёмся вопроса **занятости и положения на рынке труда** лиц моложе пенсионного возраста. В обеих группах приблизительно пятая часть трудоспособных не имела работы на момент опроса – 16% среди объективно и 21% среди субъективно бедных. Однако незанятость их носила разный характер. В объективной бедности более половины случаев вызваны либо обучением, либо пребыванием в декретном отпуске (совокупно 9,3%), а в субъективной бедности в подавляющем большинстве случаев – иными причинами (15,2%). При этом абсолютно все субъективно бедные, **незанятые по «иным причинам»**, сталкивались за последний год с длительной безработицей, в то время как в числе объективно бедных таких 77% (при 71% в среднем по населению). Такое положение субъективно бедных вызвано более низким уровнем образования – 25% из них не окончили школу и лишь 13% имеют высшее образование (в объективной бедности первых нет вовсе, а вторых – 18%). Более того, среди субъективно бедных практически каждый третий (31%) негативно оценивает состояние своего здоровья, в то время как в объективной бедности это встречается реже (18%). Таким образом, одной из особенностей *глубокой субъективной бедности является длительная безработица, вызванная низким качеством человеческого ресурса.* Эти россияне проживают в сельской местности (69% субъективно бедных и 88% объективно бедных, при 41% в среднем по категории), с характерным для неё скудным рынком труда, и являют собой *«доиндустриальный» тип бедности, требующий особых мер по его искоренению со стороны государства* [Тихонова, 2014]. В результате такого положения на рынке труда 41% незанятых субъективно бедных в условиях кризиса потеряли работу, в то время как среди незанятых по иным причинам объективно бедных таких было лишь 14%.

У **трудоустроенных** же представителей мы наблюдаем иную ситуацию. Уровень образования субъективно бедных даже несколько выше, чем у объективно бедных: высшее образование (оконченное или неоконченное) имеют 31% первых и 20% вторых. Несколько отличается и их профессиональный состав – каждый 4-й субъективно бедный (28%) является специалистом или руководите-

лем, в то время как среди объективно бедных таких лишь 16%¹. Ключевое различие у трудоустроенных бедных кроется в характере занимаемых позиций на рынке труда, а именно в степени прекаризации занятых представителей (подробнее см.: [Шкаратан и др., 2015]). Во-первых, субъективно бедные работники чаще не оформлены по ТК РФ (67% при 53% среди объективно бедных). Во-вторых, их права в принципе чаще нарушаются. Так, в общей сложности среди 6 различных трудовых прав (упомянутое ранее оформление по ТК РФ, своевременность выплат зарплат, белые зарплаты, оплата отпуска и больничного, сверхурочных и переработок, а также дополнительные социальные блага) каждому второму субъективно бедному обеспечивается лишь 1–2 права из указанного списка (40% у объективно бедных). Отчасти это обусловлено тем, что объективно бедные чаще трудоустроены на государственных предприятиях (34%), чем субъективно бедные (27%). В результате работающие субъективно бедные чаще сталкивались с опытом длительной безработицы (35%), чем объективно бедные (21%). Таким образом, субъективно бедные работники занимают трудовые позиции более низкого качества.

Всё вышеописанное (с учётом социально-демографических характеристик) приводит к более высокому уровню психологического напряжения у субъективно бедных – 35% их представителей ежедневно испытывают чувство тревоги, 10% постоянно раздражены (при 8% у объективно бедных), 5% пребывают повседневно в состоянии озлобленности или даже агрессии (1% у объективно бедных). У объективно бедных же доминирующим психологическим состоянием являются спокойствие и уравновешенность (41% представителей).

Подводя итог краткому анализу портретов групп и возвращаясь к первому вопросу, поставленному в начале статьи, мы можем заключить, что *очаги объективного и субъективного неблагополучия сосуществуют отдельно, их носители во многом являются непересекающимися группами в российском обществе. И хотя ряд факторов, способствующих формированию этих групп, схож, в одной подгруппе населения их совместное стечение формирует реальный очаг социальной напряжённости, а в другой воспринимается достаточно спокойно.* Всё это отражается на том, каким бедные видят решение своих проблем и того, кто может сыграть в этом решающую роль, – остановимся на этом подробнее.

Ожидания бедных

в отношении поддержки со стороны государства

Ввиду более слабого ощущения контроля над собственной жизнью 90% субъективно бедных утверждают, что без помощи государства им просто не выжить. При этом они придерживаются убеждения, что бедность в России формируется

¹ Доля рабочих и работников сферы торговли в группах отличается в пределах статистической погрешности.

из-за неправильных действий государства, а не особенностей поведения самих россиян. Поэтому субъективно бедные реже ощущают, что человек в принципе является кузнецом своего счастья (рис. 1). В результате субъективно бедные чаще вызывают к гуманности общественности и помощи со стороны государства, т. е. субъективная бедность формирует несколько более иждивенческие по своему характеру установки в отношении социальной политики.

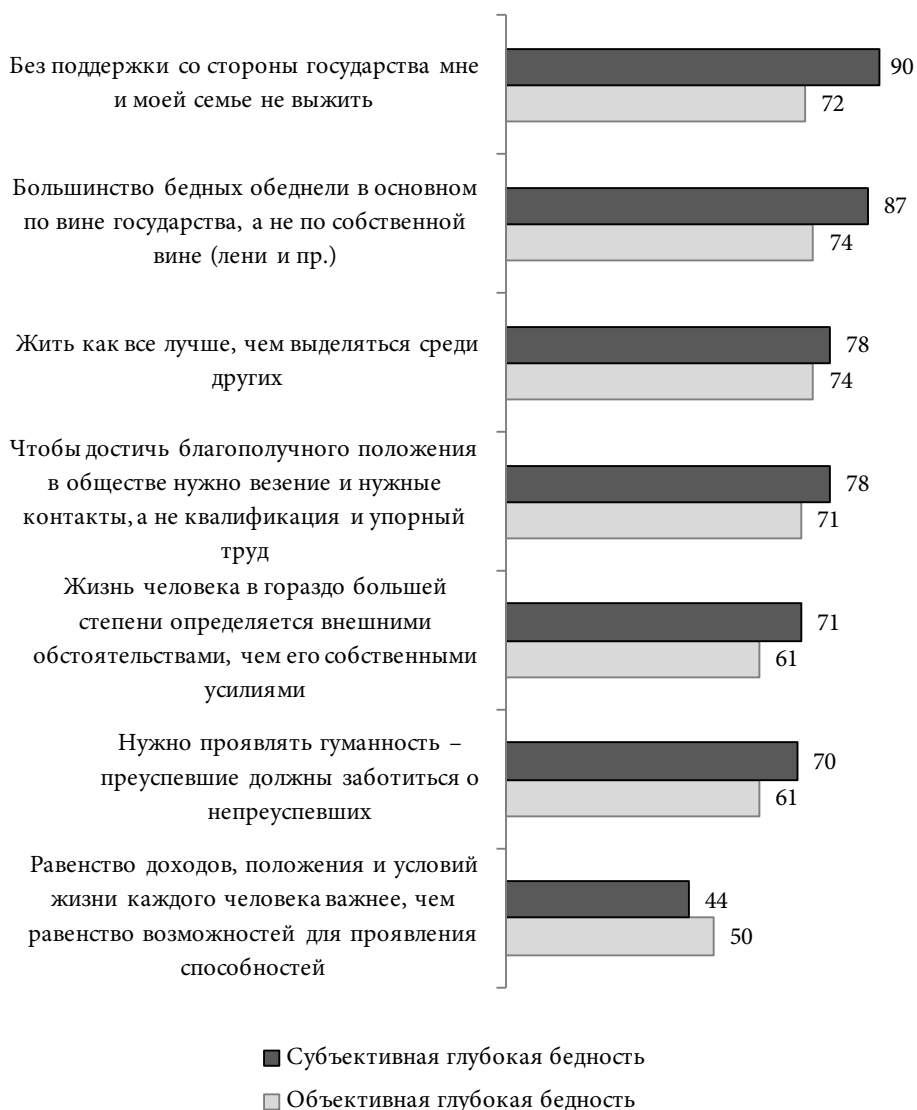

Рис. 1. Ценностные установки и убеждения бедных россиян, %

В первую очередь россияне ожидают от государства обеспечения справедливой оплаты труда, материальной поддержки и обеспечения доступа к необходимым медицинским услугам (табл. 2)¹. Запрос бедных несколько отличается. Субъективная бедность ввиду охвата пенсионеров с плохим здоровьем представляет повышенный запрос на доступ к медицинским услугам и на прямые материальные выплаты, т. к. иные меры из представленного списка едва ли могут помочь им в сложившейся ситуации (табл. 2). Высокий удельный вес незанятых в трудоспособном возрасте и в принципе «молодое лицо» объективной бедности приводят к повышенному спросу в этой группе на помощь в трудоустройстве и на достижение справедливости в оплате труда работников. Иждивенческая нагрузка детьми (нередко – проживание в многодетных семьях) обуславливает повышенный запрос объективно бедных и на помощь в приобретении жилья².

Пристальный взгляд на наиболее значимые подгруппы бедных (табл. 2) позволяет выявить зоны локализации указанных запросов. Во-первых, это повышенный спрос на помощь с трудоустройством у незанятых субъективно бедных. Этот запрос является следствием отсутствия работы в сельских поселениях России, отголоском доиндустриальной бедности в России и потому не является иждивенческой позицией, а вызван безысходностью положения. Помощь этим людям, в первую очередь, заключается в простой финансовой поддержке, а во-вторую – в переквалификации молодёжи и её направлении в населённые пункты, в которых есть спрос на соответствующих специалистов. По этой же причине повышен у них запрос и на материальную поддержку.

Работающие бедные и проживающие в семьях с детьми формируют явный запрос на обеспечение справедливости в оплате труда. Примечательно, что все глубоко бедные солидарны в этом запросе и также опровергают распространённое суждение об иждивенческих настроениях российских бедных. Как видим, объективно бедные пенсионеры тоже формируют запрос на трудоустройство и справедливые механизмы оплаты труда, однако он в большей степени обуславливается незанятостью их трудоспособных родственников и касается выправления положения последних. Стоит также отметить и то, что субъективно бедные показывают больший спрос на доступ к необходимому образованию / курсам повышения квалификации.

Запрос же на материальную поддержку ярче выражен в типичных для бедных подгруппах: в первую очередь это пенсионеры (в особенности субъективно бедные), которым ввиду расходов на поддержание здоровья оказывается недостаточно нетрудового дохода, доведённого до прожиточного минимума (ПМ) пенсионера (формируют они и повышенный запрос на повышение доступности

¹ Подробнее о специфике запроса россиян к социальной политике см.: [Аникин и др., 2019].

² Отметим сразу, что этот запрос осознан государством и в последние 2 года ведётся активная работа по корректировке мер, направленных на облегчение процесса приобретения жилья семьями с детьми.

необходимых им медицинских услуг, помощь в чём может снизить ожидания материальных трансфертов). В объективной бедности оказались и семьи с детьми, в последние годы находящиеся в фокусе внимания государства. *Таким образом, как видим, запрос российских бедных едва ли можно назвать иждивенческой позицией, он обоснован реальными проблемами в их повседневности.*

Таблица 2

Запрос глубоко субъективно и объективно бедных россиян на конкретные меры государственного содействия, %

Запрос россиян на содействие со стороны государства / сравниваемые подгруппы		Трудоустройство	Обеспечение справедливой оплаты труда	Доступ к необходимому образованию и квалификации	Доступ к необходимым медицинским услугам	Обеспечение жильём	Материальная поддержка	Ничего не ждут от государства
Семьи с детьми	Объект. бедные	28	66	16	34	27	50	3
	Субъект. бедные	32	60	23	40	31	45	0
Пенсионеры	Объект. бедные	20	30	7	60	13	53	10
	Субъект. бедные	13	15	0	55	10	69	5
Работающие	Объект. бедные	29	70	15	32	27	48	3
	Субъект. бедные	35	72	19	37	25	42	0
Безработные*	Объект. бедные	29	29	6	24	18	29	12
	Субъект. бедные	63	25	6	50	6	56	6
Семьи с алкоголиками / наркоманами*	Объект. бедные	9	36	14	36	36	41	9
	Субъект. бедные	45	45	20	40	30	40	0
Справочно: бедные в целом	Объект. бедные	30	60	13	35	26	47	5
	Субъект. бедные	29	46	11	44	18	55	2
Справочно: в среднем по стране		22	41	11	36	19	31	17

*Без учёта женщин в декретных отпусках, учащихся и пенсионеров. Подгруппы «безработные» и «семьи с алкоголиками / наркозависимыми родственниками» включают менее 30 респондентов, к оценкам по этим категориям следует относиться с осторожностью.

Последним штрихом к портрету бедных, показывающим значимость поддержки государства, является значимость различных источников доходов. Трансферты от государства занимают среди них второе, иногда даже первое место среди наиболее значимых источников доходов во всех подгруппах (табл. 3). Очевидно, что наиболее значимы они для пенсионеров и нетрудоустроенных россиян. Наряду с этим источником доходов основным выступает заработная плата по месту работы.

Таблица 3

Основные источники доходов глубоко бедных россиян, %¹

Источники дохода / сравниваемые подгруппы		Зарплата	Трансферты, алименты, пенсии и пр.	Разовые приработки	Межсемейные трансферты	Подсобное хозяйство
Семьи с детьми	Объект. бедные	89	38	25	14	19
	Субъект. бедные	92	57	23	15	31
Пенсионеры	Объект. бедные	30	93	3	7	13
	Субъект. бедные	16	100	10	0	21
Работающие	Объект. бедные	99	35	24	12	18
	Субъект. бедные	98	46	29	10	22
Безработные*	Объект. бедные	24	41	53	12	12
	Субъект. бедные	50	69	19	13	31
Семьи с алкоголиками/наркоманами*	Объект. бедные	77	73	27	18	14
	Субъект. бедные	70	65	35	5	40
Справочно: бедные в целом	Объект. бедные	83	42	24	14	17
	Субъект. бедные	62	69	21	8	22
Справочно: в среднем по стране		79	41	18	10	13

*Без учёта женщин в декретных отпусках, учащихся и пенсионеров.

Стоит отметить ряд отличительных особенностей. Во-первых, субъективно бедные получают значимо меньшую поддержку со стороны ближайшего окружения, что в особенности выступает отягощением для пенсионеров. Во-вторых, работающие субъективно бедные (в т.ч. родители несовершеннолетних детей) и пенсионеры проявляют большую, нежели объективно бедные, активность по улучшению своего положения, ищут возможные разовые приработки, используют подсобное хозяйство для выращивания продукции на продажу, что в принципе типично для бедных россиян, которые по сравнению с населением в целом склонны проявлять наиболее высокую активность в адаптационных стратегиях поведения [Каравай, 2019].

¹ Сумма не сводится к 100%, т. к. вопрос подразумевал выбор всех подходящих ответов. В таблице не представлены такие формы заработка, как совместительство, доходы от бизнеса и от сдачи имущества в аренду, т. к. они присутствуют у единичных представителей глубоко бедных.

Основные выводы

Возвращаясь ко второму и третьему вопросу, поставленным в начале статьи, и исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что причины бедности во многом носят структурный характер (если речь идёт не о приверженности вредным привычкам, что даже в наиболее глубокой бедности является скорее исключением из правил, нежели нормой).

Для снижения остроты объективной бедности в первую очередь требуются меры, направленные на нивелирование провалов рынка труда, в частности повышение уровня заработных плат и повышение доступности качественных рабочих мест. Проводимый на данный момент комплекс мер, направленных на поддержку семей с детьми, в т.ч. в приобретении жилья, должен также улучшить положение этой части населения.

Для снижения же остроты субъективной бедности и искоренения зоны высокой социальной напряжённости требуется иной комплекс мер. Во-первых, это решение проблем с сельской безработицей, что может осуществляться прямыми трансфертами лицам пожилого возраста и целевым обучением с последующим перемещением в другие типы поселений молодой части сельского населения. Во-вторых, это повышение доступности медицинского обслуживания для пенсионеров с тяжёлыми проблемами со здоровьем. Отметим, что, согласно другим исследованиям [Слободенюк, 2019], в наибольшей степени отягощены проблемами со здоровьем те пенсионеры, кто в годы своей трудовой активности занимал «плохие» позиции на рынке труда — те, которые приводят к быстрому износу физического ресурса. Как было показано, субъективная бедность объединяет наряду с такими пенсионерами и ныне работающих россиян, занимающих схожее положение на рынке труда. Потому для устранения проблемы в настоящем и, как результат, для снижения доли таких пенсионеров в будущем необходимо расширение мер защиты работающих в области социальных гарантий в рамках трудовых договоров. В качестве возможной меры социальной политики можно также рассмотреть повышение пособий по безработице. Если же говорить о других субъективно бедных, то к их запросу на материальную помощь нужно относиться осторожнее, так как часть этого запроса исходит из «проблемных» семей, в составе которых присутствуют родственники с вредными привычками, поддержка которых требует иных инструментов социальной политики.

Список литературы

Аникин В. А. Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? / Аникин В. А., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 345–366. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.19>

Зудина А. А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 27–63.

Каравай А. В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных странах российского общества // Terra Economicus. 2019. № 17 (3). С. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145

Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М.: Нестор-История, 2018. 368 с.

Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Где пролегает «черта бедности» в России? // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 104–127. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-104-127>

Слободенюк Е. Д. Жизненные риски и низший класс в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. Т. 128. № 1–2. С. 43–54.

Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и её динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 1–2 (126). С. 17–29.

Тихонова Н. Е. Структурные предпосылки и основные типы российской бедности // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 5–16.

Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.

Дата поступления в редакцию: 04.10.2019.

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6797

Deep Poverty in Russia: The Specifics of the Objective and Subjective Poor and Their Requests for Social Policy

Ekaterina D. Slobodenyuk

Candidate of Sociology, Researcher, National Research University Higher School of Slobodenyuk Economics. Myastitskaja str., 20, 101000, Moscow, Russia.

E-mail: eslobodenyuk@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-4255-5050, Web of Science ResearcherID: J-9592-2015,

Scopus AuthorID: 57194721724

For citation: Slobodenyuk, E. D. (2019). Deep poverty in Russia: the specifics of the objective and subjective poor and their requests for social policy. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. № 4. P. 26–38. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6797

Abstract. The paper focuses on the Russian poor. Based on the fact revealed in previous studies that severe chronic poverty is characterized by concomitant psycho-emotional deprivation, the author focuses not only on monetary poverty (using the relative income-based approach to group allocation for this purpose), but also subjective one (distinguished through non-monetary indicators). Based on the research database of the the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (2018), the author comes to the conclusion that the most negative perception of the position in society is not a characteristic of the financiallypoorest Russians, i.e. the focus of social tension is not concentrated in the zone of deep monetary poverty. While objective (monetary) deep poverty is formed as a result of high dependent burdens and failures of local labor markets, deep subjective poverty is dictated by

different reasons – the inaccessibility of the necessary medical support for pensioners with serious health problems, the presence of relatives in the household who are addicted to bad habits, precarious nature of the occupied employment positions. The delimitation of groups and the varying nature of the factors of their formation leads the author to the conclusion that identifying the recipients of social policy solely on the basis of information about the financial situation of households does not allow reaching the part of the poor population where a hotbed of social tension is forming. Based on the identified characteristics of groups, as well as the requests of their representatives for certain measures of social policy, the article proposes a number of measures to reduce the severity of objective and subjective poverty.

Keywords: relative poverty, subjective poverty, social policy.

REFERENCES

Anikin V. A., Lezhnina Yu. P., Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. Zaprosy rossiyan na sodejstvie gosudarstva: sotsial'noe investirovanie ili sotsial'naya podderzhka? [Russian Public Demand for State Assistance: Social Investment or Social Support?] *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2019. № 3. P. 345–366. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.19>

Karavay A. V. Osnovnye modeli sotsial'no-ekonomicheskoy adaptatsii v raznykh stratah rossijskogo obshchestva. [Basic models of socio-economic adaptation in different strata of Russian society]. *Terra Economicus*. 2019. № 17(3). P. 128–145. (In Russ.). DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145

Model' dokhodnoj stratifikatsii rossijskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhranovye sravneniya. [Model of Income Stratification of the Russian Society Dynamics, Factors, Inter-country Comparisons]. Ed. by N. E. Tikhonova. M.: Nestor-Istoriya publ., 2018. 368 p. (In Russ.).

Slobodenyuk E., Anikin V. Gde prolegaet «cherta bednosti» v Rossii? [Where lies the «poverty threshold» in contemporary Russia?]. *Voprosy ekonomiki*. 2018. № 1. P. 104–127. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-104-127>

Slobodenyuk E. D. Zhiznennyye riski i nizshij klass v Rossii. [Social risks and the low class in Russia]. *Vestnik obshhestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2019. T. 128. № 1–2. P. 43–54. (In Russ.).

Shkaratan O., Karacharovskij V., Gasyukova E. Prekariat: teoriya i empiricheskij analiz (na materialakh oprosov v Rossii, 1994–2013). [Prekariat: Theory and Empirical Analysis (based on materials of surveys in Russia, 1994–2013)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. № 12. P. 99–110. (In Russ.).

Tikhonova N. E. Model' sub'ektivnoj stratifikatsii rossijskogo obshchestva i ejo dinamika. [Subjective stratification of Russian society model and its dynamic]. *Vestnik obshhestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2018. № 1–2 (126). P. 17–29. (In Russ.).

Tikhonova N. E. Strukturnye predposylki i osnovnye tipy rossijskoj bednosti. [The Structural Preconditions and Basic Types of Poverty in Russia]. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost'*. 2014. № 2. P. 5–16. (In Russ.).

Zudina A. Neformal'naya zanyatost' i sub'ektivnyj sotsial'nyj status: primer Rossii. [Informal Employment and Subjective Social Status: The Case of Russia]. *Journal of economic sociology*. 2013. Vol. 14. № 3. P. 27–63. (In Russ.).

The article was submitted on October 04, 2019.